

поэтическая
серия

Сергей Лейбград

Стеклянная мгла

Четырнадцатая книга

Самара 2013

УДК 821.161.1-14
БК 84 (2Рос=Рус)6-5
Л 42

Л 42 ЛЕЙБГРАД Сергей

Стеклянная мгла: стихи. –
Самара, издательство Засекин, 2013 – 64 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Ежи Чех (Познань)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Дмитрий Веденяпин (Москва)
Света Литвак (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская
Сергей Лейбград
Виталий Лехциер

ISBN 978-5-91940-188-9

© Сергей Лейбград, 2013
© Цирк Олимп+TV, 2013

**Тоска по телу,
или
Лирик эпохи рунета**

Четырнадцатая книга стихов Сергея Лейбграда называется «Стеклянная мгла». Сергей Лейбград родился 14 января, в тот же день, что и Мандельштам. Просто так совпало, а может быть, совпало не просто так.

Мир, в который всматривается автор своей четырнадцатой книги, оцифрован, вечно жив слэш вечно мёртв. Ребяческий оптимизм утопии, трагедия истории, самонадеянность поэзии давно превратились в запросы поисковых машин, выдающих безумные постмодернистские ссылки. Пространство, утратившее непосредственность созерцания и прихотливую игру индивидуальной памяти, подернулось «стеклянной мглой» мерцающих мониторов.

Что же делать в такой ситуации лирику? Не новейшему поэту – насмешливому наблюдателю-скептику, массмедийному провокатору, защищенному всевозможными аватарами, а тому, старомодному эго-маньяку, зацикленному на собственном «я», пророку, любовнику, отщепенцу...

Ему остается задавать вопросы (*Дана мне совесть. Что мне делать с ней?*), на которые никто не может дать ответа, и констатировать собственное исчезновение, отмахиваясь от жизнеутверждающих пошлостей:

*От меня ничего не останется
и меня только равный поймёт.*

Лирика Лейбграда рождается из нехватки. Ибо мы ценим не то, что у нас есть, а то, что у нас отбирают.

Так в книге возникает мандельштамовский мотив тела. Самый частотный, как говорят филологи, образ «Стеклянной мглы». Перед читателем порой маячит призрак безумной утопии в духе Николая Фёдорова, мечтавшего воскресить мертвецов в новых космических телах. Именно такое тело грезится лирику за стеклянной мглой:

*Свет выключу, чтоб видеть, как в ночи
горит твоё космическое тело.*

Кого же воскрешать? Чьё тело сохранить? Лейбград отвечает на эти вопросы как лирический автор, продолжающий дрожать и дышать, хотя уже давно объявлен мёртвым. Для спасения ему вполне достаточно двух тел: **Её** и **Своего собственного**.

Она, как часто у Лейбграда, напоминает блоковскую Незнакомку, кармически отягощенную плотью. «*Рождена, чтобы рожать*». Феминная почва, материя, родина. Её тело распадается, но пока ещё существует, безличное, вездесущее, требовательное. Такой почти сорокинский мотив вечно цветущего гниения.

Он же всегда при ней, хотя давно уже вопреки собственной воле и здравому смыслу. Лёгкий и ломкий, как осенний лист, как «воздух для узора». «Безумный одуванчик седовласый», наделенный эфемерными чувствами стыда и срама:

*Мне стыдно, я сгораю от стыда,
как подсудимый низшего суда.*

Я прихожанин срама на крови...

Стыд и срам – последние реакции тела, воспоминания о его существовании...

Русь, она же Офелия, давно лежит на дне, а лирик всё смотрит, смотрит сквозь стеклянную мглу, сквозь слепую воду:

*Я забыл, что я делаю тут..., –
грустно констатирует он.*

Паронимические конструкции, гротескные образы, парадоксальные сопоставления, вдруг попадающие в самую точку «мира после всего»:

*Инспекторы стоят, как самовары,
с помойки принесённые в музей.*

Лейбград верен своей поэтической манере. Его языковая игра завораживает, как случайная ротация фотоизобра-

жений на экране монитора. Он мастер, и может делать со стиховыми конструкциями, всё, что захочет.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ: только с ними он и может ещё что-либо сделать.

В своей четырнадцатой книге лирик ощущает безысходность своего метафорического могущества. Слишком плотная языковая масса, как денежные знаки, подвержена инфляции. Синонимические ряды множатся, но могут обвалиться в любой момент. Накопленное расточается. Отсюда проходящий через всю книгу мотив потери:

*Мне скоро будет нечего терять,
давно я жду, когда же это скоро
наступит, и теряю, и теряю.*

Точка в пространстве, наблюдательный «пункт обзора», похоже, тоже потерян, рассеян в сети.

«Дано мне тело, / Что мне делать с ним?» – сказал как-то тот, что тоже родился 14 числа. Поэзия 20 века была шокирована открытием тела, «оцифрованный» лирик эпохи рунета Лейбград обескуражен (лишён куража?) его исчезновением. Двоичный код, мумифицирующий когда-то полные жизни и смерти тела, всё-таки фикция, паллиатив, суррогат. Поэтому поэт с почти маниакальным упорством пытается вернуться в реальность, в убогую, обшарпанную, но интимную, связанную с телесными импульсами:

*Из всех обитаемых мест,
похожих на лоно и нишу,
обшарпанный вижу подъезд,
и трепет дыхания слышу.*

*И всё, что случится со мной,
давно, как листва, облетело.
И нужно для жизни иной
лишь тело, лишь чистое тело*

Ищет тело, омытое для воскрешения...

Ирина Саморукова

Вкус чечевицы чеченского глада,
возглас Ревекки, Иаков, Исав.
Тело твоё сохраню от распада,
кодом двоичным его записав.

Жалость, зависимость, боль, оголтелость.
Совесть лишь слово, а слово враньё.
Жалкое, нежное, голое тело,
тело твоё, только тело твоё.

Снежный песок, как засохшее млеко,
сыпь, аллергия, не вздрагивай, спи.
Это Берлин довоенного века,
номер концлагерный, адрес айпи.

Котик Летаев и Валя Катаев,
Сева Некрасов и Гена Айги.
После всего непременно растает,
после всего непременно светает,
только, как прежде, не видно ни зги.

Женщина вяжет мне свитер бескрайний,
я утонуть в этой шерсти могу.
Эрих, Мария, Марина и Райнер
с берега Волги, как пепел в пургу.

Это Самара эпохи подлога,
это подводная лодка в степи.
Блог закрывается с первого слога,
номер концлагерный, адрес айпи.

После всего, – говоришь ты, – светает,
видятся истина и естество.
После всего ничего не бывает,
после всего.

Тает тело, как снег, обнажая бессмертную душу,
как загаженный двор.
Я здесь вор до сих пор,
потому что и вижу, и слышу,
потому что дышу, потому что остывшую нишу
согреваю комками чужих и случайных существ.
Вот опять снегопад, как сорочка струится ночная,
и усну, и проснусь, и очнусь от собачьего лая,
но ни звука окрест.

Ты уже не простишь, не простудишься
и не простишься.
Дай два слова сказать, дай извлечь мне
хотя бы двустистие
для несбывшихся встреч...
Жизнь не стоила свеч. Понимаешь ты?
Не понимаю.

Безответная тварь, драгоценная, глухонемая,
жизнь не стоила свеч.
Кто-то спичку зажжёт. И задул,
удивясь безобразью –
это плоская вещь, отягченная сотовой связью,
как бессвязная речь.

Тягучий душный мёртвый запах слов
берберова князь курбский граф уваров
но больше нет орловских скакунов
волков тамбовских курских соловьёв
сирот казанских тульских самоваров
каналов петербургских и платков
пуховых непременно оренбургских
нет кружев вологодских и трусов
и оптинских соломенных сторожек
владимирских централов и лесов
суровых брянских
муромских дорожек
нет галстуков столыпинских и мест
рассеянья нет вяземских анучек
и девушек самарских самых лучших
за вычетом ивановских невест
и холостых саратовских парней

мы волосы мы листья без корней
мы осень мы сухого листопада
молекулы мы атомы распада
инфляция блуждающих огней
мы похоти испорченные знаки
мы нежная субстанция стыда.
Но подожди до страшного суда
меня судить и от обиды плакать...

Кто был ничем, тот всем изрядно стал
корявой костью в горле. Нет базара.
Есть Татарстан и есть Башкортостан,
чувацкий стан, а также есть Самара –
мордовский стан степного ремесла,
хазарская душа левобережья,
верблюдица, вскормившая осла,
лебяжий пух и грация медвежья,
миграция афганских косяков
и босяков до самых Васюков.

Слезится глаз и чешется рука.
И тешится Самарская Лука
в петле реки. Река зовётся Волгой,
не отзываясь. Облик твой оболган.
Ты рождена затем, чтобы рожать,
а я здесь только воздух для узора.
Мне скоро будет нечего терять,
давно я жду, когда же это скоро
наступит, и теряю, и теряю.

Осиный рой жужжит среди осин
и сосен. Продвигается по краю
на край земли последний бедуин.
Люби меня, ведь я такой один,
один такой без рясы и без расы,
избранник твой, любовник твой и сын,
безумный одуванчик седовласый...

...Но по ночам всплывает тут и там
в империи рунета Мандельштам.
Он светится болезнью лучевой
и, как бурлак, играет бечевою.

Блажен сей посетитель роковых
минут во время матчей стыковых.
Мне стыдно в избирательных кустах
с облаткой на прокуренных устах.
Я оцифрован. Мой формат ави.
Я прихожанин срама на крови.

Мне стыдно, я сгораю от стыда,
как подсудимый низшего суда,
как вероломный чувственный старик,
что смехом обволакивает крик.
И лижет снег, и слышит скрип саней.
Дана мне совесть. Что мне делать с ней?

И зной, и гной. Провинция в июле.
И лёгкие, как гири, в духоте.
И чад, и пот, как будто я в кастрюле,
оставленной на газовой плите.

Обрыдли мне скопцы и самодержцы.
Душа пуста, гуляю с ней на все.
Мы разминулись, словно конькобежцы,
на вираже Московского шоссе.
На выезде треклятом из Самары,
где ни врагов не встретишь, ни друзей.
Инспекторы стоят, как самовары,
с помойки принесенные в музей.

Но жизнь моя, похожая на детство,
на бегство из больниц и лагерей.
Но звукоряд, но строй, но буквоедство,
но слёзы на полях календарей...

Я здесь случайно. Я здесь для вида.
Меня играет чужая свита
в ансамбле песни царя Давида,
а также пляски святого Вита.

Привит от оспы, но не от спама,
меня расстроить не очень сложно.
И всё, что помню, твержу на память.
И всё, что тлеет, курю безбожно.

Довольно кофе и хватит чая.
Не страсть так старость. Не пыль так пепел.
В здоровом теле, души не чая,
чулок твой длинный ласкаю, Пеппи.

Зырян благодарю за озаренье
заранее, поскольку оперенье
тепла уже не держит ни черта,
и пар уже струится изо рта.
Вот так приходят смерть и вдохновенье,
вот так в ночи к автобусным дверям
подходит Пермь, и я встаю в ознобе
от зноя непосильного зверям
и детям, задохнувшимся в утробе.
Но ё-моё, но воля не моя,
герой войны гражданской – это я,
скелет в шкафу, любовник в гардеробе...

Рай на зоне.
Иосиф Виссарионович Кобзон.
Камасутра стрелецкой козни.

Эзопов труд. Сизифов язык.
Алиса в стране дураков.
Шарик Булгакова. Фломастер из маргарина.

Клевета спасёт мир

Православный сталинизм.
Расстреляны Гекас Папандопулос и Моисей
Менахем.
Несть ни эллина, ни иудея.

Я на сервере диком живу

Всё будет нормально, майор.
Всё будет, как надо, зимою.
Обмоют и дело моё,
и смертное тело обмоют.

Чтоб вспомнить и напрочь забыть,
чтоб весело было и пусто.
А душу уже не отмыть,
но можно представить искусством.

Из всех обитаемых мест,
похожих на лоно и нишу,
обшарпанный вижу подъезд,
и трепет дыхания слышу.

И всё, что случится со мной,
давно, как листва, облетело.
И нужно для жизни иной
лишь тело, лишь чистое тело.

Те, кого оставили на свободе, кричали: «Спасибо,
что не посадили нас, грешных!».
Те, кого арестовали и посадили:
«Спасибо, что не убили!»
Те, кого убили: «Спасибо, что перестали
пытать и мучить!»
И только те, кого ещё пытали, хриплым
окровавленным полушёпотом рассказывали
секреты японской и британской разведок...

Китайский ширпотреб – метафора прогресса,
исламский терроризм, ордынский паханат...
Когда бы не бельмес, куда я без бельмеса
в пространстве сетевом на ощупь, наугад,
в прострации ночной от истины фейсбучной,
где только постмодерн оправдывает пост,
где душу теребят игрушкой однозвучной
старинные слова «покос» и «холокост».

А попочка-звезда поёт, что жить не может
без взгляда моего, без моего тепла,
трясётся вся в слезах и лезет вон из кожи,
из плазмы нефтяной, из газа, из стекла.
Она спешит ко мне, она смешит и тешит,
а за моим окном под тополем внизу
всё те же голоса и реплики всё те же
на том же языке на голубом глазу...

Снег! – кричу. Кричу: Снег!
Но снег не знает своего имени,
поэтому он идёт и не замечает меня.

Хруст Рождества под копытом эпохи
белый песок из игрушки стеклянной
снежные хлопья как хлебные крохи
сладок Отечества дым конопляный

взрыв православного домососедства
терпкое время гульбы и раскола
всё что осталось от глупого детства
чучело волка несут из костёла

старый фасад с рюкзаком новодела
прямо напротив усадьбы Толстого
слово «Самара» печальней чем тело
пробормотавшее странное слово

не было нас и не будет итога
но всё равно в мерзлоте оголтелой
иней нет словно шрам от ожога
там где стекло ты ладонью согрела

безмятежное слово «дурдом»
и скелеты в шкафах и на складах
бесконечная гадость кругом
безначальная горечь во взглядах

по сугробам до хруста костей
отрывается на повороте
безысходный старик Моисей
в исполнении Буонарроти

снег и поле
простор и страда
приспособлен пейзаж к биатлону
безнадёжно в четыре ряда
мы ползём как улитки по склону

кочевая гирлянда в окне
аллергия от зрелищ и хлеба
телефонный твой голос во мне
беспощаднее голоса с неба

что одесса что аддис-абеба
призрак оперы вдоль полотна
как звезда сумасшедшая с неба
сигарета летит из окна

вырождение пушкинских генов
голос времени густ как елей
с чёрным юмором аборигенов
с белой вьюгой россии моей

шевелю на морозе губами
эта музыка хуже чем гимн
и родная любимая память
изменяет мне с кем-то другим

Куда поехала опорная нога?
Куда из строя вышел холодильник?
Над бездной, что незрима и нага,
сознание мерцает, как мобильник.

В каком строю мы движемся во тьму?
Какая тьма диктует эту тему,
внушая электронному письму
последнюю свою мифологему?

Осенний жар сражает на лету.
Напрасно эта осень задержалась.
Но ужас так похож на красоту,
где красота не более, чем жалость.

...А мелкий дождик, словно йод,
кропит листву в округе дачной,
где Пётр Лещенко поёт,
как встарь, об осени прозрачной.
Как будто не было вины
за все несметные обиды,
как будто не было войны
и Фауста, и Энеиды.
Как будто это Томас Манн
придумал так, что мир неистов,
и всех невинных мусульман,
и христиан, и атеистов.

От озноба дома сутулятся.
Первый снег превратился в месиво.
И стоящая в пробке улица
похоронной сродни процессии.
Так хотелось нездешней дерзости,
только бездна пугала низостью.
Этот город, пропавший без вести,
по больничному пахнет известью.

Безбожный этот дар, белесый этот сок,
бессмысленная страсть из мести неуместной
от вечности моей всего на волосок,
всего на волосок от близости телесной.
Оставь меня врасплох, ужаль и уязви
бессилием смешным природной круговерти
всего на волосок от жизни и любви,
всего на волосок от пошлости и смерти.

Когда бесцельно, точно Word,
открою горизонт,
я вряд ли вспомню этот борт,
жилищный этот фонд.
В угаре, в похоти, в дыму,
забыв и век, и год,
не иму сраму ко всему,
вписавшись в поворот.
Затиснут временем в Орду,
я в пробке навсегда:
в каком ряду, в каком бреду,
откуда и куда.
Смотри, к безумцу на осле
нисходит благодать.
Твоё лицо в стеклянной мгле
уже не угадать.

Ты смешна, – скажу без лести, –
как княжна на сеновале.
Мы вдвоём с тобою вместе
столько лет отзимовали.
Разве горе это горе
в третьем рейхе, в третьем Риме,
в ювенильном этом море,
в криминальном этом мире?
И до хруста перепонок
я смеюсь, в ландшафт вмерзая,
как законченный подонок
или этакий мерзавец...

Я не опознанный миром объект,
ночью летящий над стрелкой двух рек,
пусть и в бреду полусонном.
Сухость во рту, как остаток сухой
жизни, прошедшей под этой ольхой
в этом бараке бетонном...
Скрип твоих окон подобен альту,
близится ливень, как тень на лету,
чтоб отпечататься в смальте.
Ты, словно губы, подводишь черту
нашим свиданиям. Сухость во рту,
лунная ртуть на асфальте.

просыпались пока не проспали
распинались пока не распяли
хватит пялиться я не святой

вот вам тело пропахшее серой
чёрный юмор трусливое сердце
и мольбы мои к деве не той

ртутный градусник адмиралтейства
во грехе прозябает семейство
бьёт на жалость и бьёт до крови

мир слипается в блин постоянства
как язык как глухое пространство
для слепой безответной любви

от акций газпрома
до акций протеста
ты прячешься дома
ты жертва инцеста
в бреду от кошмара
родного медбрата
саранск и самара
саров и саратов

ты в тесной передней
под вешалкой душной
сестры милосердной
слушай послушай
как внемлю и вижду
и бьюсь, как под током,
меж западом ближним
и ближним востоком

окурок ошмёток христос и сварог
всё это конечно неплохо
стиральные доски самарских дорог
и женщин подвыпивших хохот
античные лики таджикских детей
мерцания ритмов сердечных
анютины глазки и древний Антей
и хор патриотов заплечных
а то что ты плачешь сквозь пыль паранджи
так это лишь дань пустословью
а то что все храмы на трупах и лжи
так это смывается кровью
все слухи и смыслы приводят в рунет
где брань где ранимые тролли
считают потери и сводят на нет
не ведая счастья и боли
короче в Россию вернулась весна
и голые женские ноги
короче судьба наша снова ясна
как смутные сны недотроги

Я забыл, что я делаю тут...

Что за горечь и внутренний зуд?
После засухи или прорухи
пешеходы по «зебре» ползут,
как блаженные сонные мухи.

Пешеходы по «зебре» ползут
после заморозков и заповор,
светофоров, укоров и споров,
геноцидов, цитат и цикут.

Гиацинты в теплицах цветут,
слёзы ревности в Волгу текут,
вы якуты, я тоже якут
и якудза, и мамардашвили.
Сколько минуло лет и минут,
как открытую рану зашили.

Я забыл, что я делаю тут...

Пропала жизнь, заполнена анкета.
Не будет продолжения банкета.

Безбожник, пижон-рогоносец
не знает, зачем ему жить.
И мучает жён-мироносиц
уже две недели поносец,
и рвётся незримая нить.

Проторенная торой синекура.
Прокуренное время перекура.

Хорошо живу.
Лучше бы и не жить.

Непрочны нити русского рунета,
узлы и коммутаторы мутаций.
Жилищно-коммунальная планета
не может без кредитов и дотаций.

Татуировка зимнего узора
заполнила стекла постепенно.
Когда б вы знали, что такое ссора,
тогда б спросили вы, какого хрена

заливистой молитвой поминальной
очередной встречаю день рожденья?
Отдельная квартира коммунальной
становится по мере отчужденья.

Стучать по лбу и биться лбом,
и семенить стилигой в твисте.
Ах, Марьиванна, ваш «Альбом
вечерний» снова в «Букинисте».

Немое мутное кино
и не моё, как вой и склока.
Борьба с курением – давно
разоблаченная морока.

Цветаева. Цветной бульвар,
цветные граждане на клумбе,
цветёт Колумбии угар
в Москве, как память о Колумбе.

Вам было многое дано,
но речь всё жиже и обценней,
но драгоценное вино
язык ошпаренный не ценит.

Заезжий Уленшпигель Тиль
футболом головы морочит.
На Волге штиль, на воле стиль
УДО – условен и досрочен.

Вы начали, вы этот сон
оставили в манерной книжке.
И шансов нет, один шансон
с одним нефтяником на вышке.

О, Русь с Офелией на дне,
с петлёй на шее тонкокожей.
И кот египетский в окне
на чёрта лысого похожий.

Метро мертво

Каков поп, такова и попа

Забайкалье – зубоскальство.
Мемуар Каддафи.
Хотечество. Могущество.
Бескрайняя плоть
и звук непонятной природы.
Средний бизнес. Средний класс. Средний возраст.
Средний кризис. Кризис среднего бизнеса.

Я глотал это варево литрами,
исполняя завет и намаз,
а потом суп с котом и суп с титрами,
что во благо народных гримас.

Расцвела под окошком акация,
но кустарник накрыли снега.
И поехала денафикация,
и пошла на века, на фи́га.

Не рыдай, дорогая избранница.
Этот ливень похож на помёт.
От меня ничего не останется
и меня только равный поймёт.

То, что мнит себя мной – только страх или речь,
только сон или явь бесконечного страха.
Как в слова этот воздух морозный облечь,
эту душную плоть как избавить от праха?..

Медицина бессильна отнять у меня
растлевающий дух оглушительной смерти.
Пусть звонит телефон из вчерашнего дня,
словно первая скрипка в последнем концерте.

Я тебя разлюбил, чтоб не лезть на рожон,
чтобы с глузду съезжать, не коря и не споря,
Эту булочку с маком взрезая ножом,
как белугу живую с Азовского моря.

Не смеси патриотов и больше не плачь.
Я уже не вернусь, я не ведаю, где ты.
Присмотрись, часового сменяет палач,
день победы сменяется ночью победы.

Блок – это Блок. Блоку видней.
Что там маячит – Стамбул, Сидней?
Сыпь отражений, россыпь огней,
ужас и джаз прошедших дней...

Заклучались наши браки
в небесах, а на земле
расторгались. Пиво-раки
замерзают на столе.
Наши драки, наши враки,
наши мухи в пастиле.
Наши души, словно знаки
водяные на стекле,
одинок, как собаки,
в усечённом феврале.
Познакомились во мраке
и расстались в полумгле.

Переселенцы пляшут на дому,
на даче плов готовят моджахеды,
вне возраста так славно одному
не предаваться вольному письму
и чтению невольному, не ведать,
не предавать, и, судя по всему,
не завтракать и даже не обедать.
Чему-то улыбаться своему,
чтоб было невдомёк случайной паре,
спешащей прочь из города во тьму,
что в мокрой неприкаянной Самаре
уже не будет счастья никому.

Стоят машины, как на Рождество.
Вожди забыли правила вожденья.
Я человек эпохи вырождения,
несуществующее существо.

Я человек эпохи вырождения
высокого и низкого, всего.
Отчаянно томится естество,
пугаясь сквозняка и отраженья.

И я уже не верю в мастерство,
я знаю, где придумали Сиртаки.
Свечами фар играя в полумраке,
стоят машины, как на Рождество.

В едином трудовом порыве
порвём, не глядя на закон,
и закулисы мировые,
и кукловодов всех времён.
И с кровью молоко коровье
всех нас избавит ото сна,
и раннее средневековье
в окно стучится допоздна...

Да здравствуют все нормы ГТО,
но я веду здоровый образ смерти.

Я стою у тебя на прокорме,
я транжирю твои закрома.
Мне с ума не сойти на платформе
и не выйти уже из ума.

Заводи свою Младшую Эдду,
эту речь не услышит никто.
Одинокие женщины едут
на своих одиноких авто.

В понедельник, во вторник и в среду,
попадая в родную среду,
одинокие женщины едут
там, где я навсегда пропаду.

Ошпаренное солнце пирамид
в обшарпанные падает кварталы.
Разломанное зрение скользит,
раздваивая линии, как шпалы.

Смерть автора... Что ведал этот Барт
о смерти, о предательстве, о пьянстве?
Моя страна обширна, как инфаркт,
с потерями сознания в пространстве.

Здесь вишней фаршируют пироги,
здесь в лоб дают и сталкивают лбами.
С покойников снимают сапоги,
смеясь, как фотокарточки на память.

На корточках встречаются приговор,
по форточкам стреляют пятаками.
Рабочий стол сквозь пыльный монитор
иконками мерцает, ярлыками.

Подъезд мой оттирают басмачи,
заложники слепого передела.
Свет выключу, чтоб видеть, как в ночи
горит твоё космическое тело.

этот дождь снег
не со мной с одним
на подушках век
на висках саднит

этот март скуп
на тепло но ближе
этих глаз губ
больше не увижу

этих лиц крик
да и сами лица
этот блицкриг
будет вечно длится

Под конвоем скользя по канве,
я попробовал ветер на вкус,
всю неделю шумит в голове
кровеносный шиповника куст.

Я не вспомню тебя, хоть убей,
потому что нельзя убивать.
Ты гоняешь моих голубей,
застилаешь сырую кровать.

Мы плывём, мы спускаемся в ад,
первый тайм отыграв не ахти.
Если будет дорога назад,
значит, стоило в реку войти.

Но, метро променяв на сабвей,
я тебя никому не отдам,
навигатор ладони твоей
приближая к ослепшим глазам.

Я смерти не боюсь уже ни капли.
Ну, может, каплю. Может, даже две.
Но три уж капли точно не боюсь...

Содержание

Тоска по телу,
или
Лирик эпохи рунета. *Ирина Саморукова* 5

Вкус чечевицы чеченского глада	8
Таёт тело, как снег, обнажая бессмертную душу	9
Тягучий душный мертвый запах слов	10
Кто был ничем, тот всем изрядно стал	11
...Но по ночам всплывает тут и там	12
И зной, и гной. Провинция в июле	13
Я здесь случайно. Я здесь для вида	14
Зырян благодарю за озаренье	15
Рай на зоне	16
Эзопов труд. Сизифов язык	17
Клевета спасёт мир	18
Православный сталинизм	19
Солист панк-группы «Новый завет»	20
Китайцы всё делают с рисом для жизни	21
Я на сервере диком живу	22
Всё будет нормально, майор	23
Те, кого оставили на свободе	24
Китайский ширпотреб – метафора прогресса	25
Снег! – кричу. Кричу: Снег!	26
Хруст Рождества под копытом эпохи	27
безмятежное слово «дурдом»	28
что одесса что аддис-абеба	29
Куда поехала опорная нога?	30
...А мелкий дождик, словно йод	31
От озноба дома сутулятся	32
Безбожный этот дар, белесый этот сок	33
Когда бесцельно, точно Word	34

Ты смешна, – скажу без лести	35
Я не опознанный миром объект	36
просыпались пока не проспали	37
от акций газпрома	38
окурочен ошмётком христом и сварог	39
Я забыл, что я делаю тут	40
Пропала жизнь, заполнена анкета	41
Безбожник, пижон–рогоносец	42
Проторенная торой синекюра	43
Хорошо живу	44
Непрочны нити русского рунета	45
Стучать по лбу и биться лбом	46
Метро мертво	47
Каков поп, такова и попа	48
Забайкалье – зубоскальство	49
Я глотал это варево литрами	50
То, что мнит себя мной – только страх или речь	51
Блок – это Блок. Блоку видней	52
Заклучались наши браки	53
Переселенцы пляшут на дому	54
Стоят машины, как на Рождество	55
В едином трудовом порыве	56
Да здравствуют все нормы ГТО	56
Я стою у тебя на прокорме	57
Ошпаренное солнце пирамид	58
этот дождь снег	59
Под конвоем скользя по канве	60
Я смерти не боюсь уже ни капли	61

УДК 821.161.1-14
БК 84 (2Рос=Рус)6-5
Л 42

Л 42 ЛЕЙБГРАД Сергей Моисеевич

Стеклянная мгла: стихи. –
Самара, издательство Засекин, 2013 – 64 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Сергей Лейбград (автор, составитель)

Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

Ирина Саморукова (предисловие)

Сергей Осьмачкин (фотография на обложке)

ISBN 978-5-91940-188-9

Подписано в печать 08.07.2013

Формат 90x64 1/16. Объём 2,5 печ. л.

Гарнитура Minion. Бумага мелованная

Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Типография «ДСМ»
Самара, ул. Верхне-Карьерная, за, т. +7 (846) 279 21 77